

Изначально было решено, что леди Молли должна приехать в Кентербери только после расследования, если местной полиции все еще будет нужна помощь Лондона. Но эта отсрочка никак не входила в намерения миледи.

- Я не собираюсь пропускать первый акт романтической драмы, - сказала она мне, как только наш поезд подъехал к вокзалу Кентербери. - Возьми свою сумку, Мэри. Пусть весь Найнскор знает - две художницы отправились в поход на пленер. И наверняка мы найдем жилье в деревне.

Мы перекусили в Кентербери, а затем отправились пешком до Найнсгора - шесть с половиной миль с сумками. Мы остановились в одном из коттеджей, куда нас гостеприимно пригласила надпись «Апартаменты для одинокой респектабельной леди или джентльмена», и наутро в восемь часов отправились в местный полицейский участок, где должно было состояться расследование. Знаете, такое забавное местечко - обычный дом, переоборудованный для официального использования, - и комнатка, забитая до отказа. Мне показалось, что все дееспособное население окрестностей собралось в этих десяти кубических ярдах душевной атмосферы.

Инспектор Мейжерс, извещенный начальником полиции о нашем прибытии, занял для нас два хороших места, откуда было видно свидетелей, коронера и присяжных. В комнате было невыносимо тесно, но, уверяю вас, ни леди Молли, ни я тогда особо не задумывались об удобствах. Нам было слишком интересно.

С самого начала казалось, что дело все больше и больше окутывается покровом непроницаемой тайны. Улик было очень мало, только эта ужасная интуиция, это темное невысказанное подозрение относительно вины одного конкретного человека, которое, как чувствовалось, витало в умах всех присутствующих.

Ни полиции, ни Тимоти Коулману нечего было добавить к тому, что уже было известно. Были предъявлены кольцо и сумочка, а также платье, которое носила убитая женщина. Несколько свидетелей подтвердили под присягой, что все они были собственностью Мэри Николлс.

Тимоти, подвергнутый тщательному допросу, сказал, что, по его мнению, тело девушки втоптали в ил, поскольку голова была полностью погружена в него, и он не понимает, как она могла бы так упасть.

Показания медиков повторяли предыдущие; они были такими же неопределенными - такими же расплывчатыми - как и раньше. Из-за состояния головы и шеи было невозможно установить, каким способом был нанесен смертельный удар. Врач подтвердил свое заявление о том, что несчастная девушка, должно быть, была мертва уже две недели. Тело было обнаружено 5 февраля, а она погибла за две недели до этого, то есть примерно 23 января.

Смотритель, живший в домике в Ясеновой усадьбе, также мог пролить мало света на загадочное событие. Ни он, ни кто-либо из его семьи не видел и не слышал ничего подозрительного. В противовес этому он объяснил, что «Глушь», где было совершено убийство, расположена примерно в 200 ярдах от сторожки, между ними находятся особняк и цветочный сад. Отвечая на вопрос, заданный ему членом жюри присяжных, он сказал, что эта часть территории отделена от Найнскор-лейн только низкой кирпичной стеной, в которой есть дверь, ведущая в переулок почти напротив Вязовых домов. Он добавил, что особняк пустовал больше года и что он занял эту должность после того, как прошлый смотритель умер около двенадцати

месяцев назад. Мистер Лидгейт не играл в гольф с тех пор, как свидетель работает здесь.

Было бы бесполезно перечислять все, что различные свидетели уже рассказали полиции и теперь были готовы подтвердить под присягой. Личная жизнь двух сестер Николлс была раскрыта полностью, по крайней мере, в той степени, в какой была известна общественности. Но вы же знаете, что такое деревенские жители – за исключением небольших скандалов и сплетен, они очень мало знают о личной жизни друг друга.

Обе девушки, казалось, были всем довольны. Мэри всегда была элегантно одета, а у маленькой девочки, которую она передала на попечение миссис Уильямс, было много хорошей и дорогой одежды, при этом ее содержание, 5 шиллингов в неделю, выплачивалось с неизменной регулярностью. Что, однако, казалось несомненным, так это то, что сестры не очень ладили между собой. Сьюзен яростно возражала против общения Мэри с мистером Лидгейтом и недавно говорила с викарием, прося его попытаться убедить ее сестру вообще уехать из Найнскора, чтобы полностью порвать с прошлым. Преподобный Октавиус Ладлоу, найнскорский викарий, по-видимому, позже беседовал с Мэри на эту тему, советуя ей согласиться на хорошее положение в Лондоне.

- Но, - продолжал преподобный джентльмен, - я не произвел на нее особого впечатления. Все, что она мне ответила, это то, что ей, конечно, не нужно искать работу, поскольку у нее есть хороший собственный доход, и она может легко получить 5000 фунтов или больше в любое время, если захочет.

- Вы вообще упоминали при ней имя мистера Лидгейта? -спросил коронер.

- Да, упоминал, - немного поколебавшись, ответил викарий.

- Ну, и как она отреагировала?

- Увы, она рассмеялась, - чопорно ответил преподобный Октавиус, - и очень живописно, хотя и несколько неграмотно сказала, что «кой-кто сами не знают, о чем говорят».

<http://tl.rulate.ru/book/114986/4453976>